

"Мальчик с рожками"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Теперь ясно, мальчик с девочкой заблудились в лесу: во второй раз вышли к большому замшелому камню.

— Не могу идти, ноги не идут, — плачет Ити, хватая брата за руку.

— Надо идти, — говорит Кусти, — не оставаться же ночью в лесу. А что скажут папа с мамой, что скажет дедушка? Давай посидим, отдохнём немного да и пойдём скорей. Гляди, уж темнеет. Видать, далеко от дома ушли.

Брат с сестрой садятся под камнем, ставят корзинки, оглядываются, будто ища совета у огромных елей вокруг.

Ели тяжело раскачивают ветвями, да разве укажут они дорогу?

— Не плачь, Ити, — говорит Кусти, сощипывая с камня клочки мха. — Слезами горю не поможешь. Вот увидишь, выйдем к дому. А не прямо к дому, так из лесу-то уж выберемся. Вот пойдём все время в одну сторону и выйдем, верно ведь? Не сюда же опять придём, к этому камню...

— Не могу, ноги не идут.

— А ты отдохни, тогда и пойдём.

Тем временем становится всё темней, лес тихо шумит, будто хочет детей убаюкать. Кусти чувствует, всё тяжелей клонится голова сестрѐнки ему на плечо. Порою вздрогнет она всем тельцем, тяжко всхлипнет. Потом дыханье её становится глубже, ровней. Спит маленькая Ити. Устала от долгой ходьбы, от блужданья по лесу. Ножки её устали вконец, нужен им отдых.

Кусти смотрит на сестру, улыбается. Пусть Ити немножко поспит, наберётся сил. А потом — снова в путь, искать дорогу домой. Он сидит тихо, не шевелясь, боясь потревожить спящую.

С ближней ветки подаёт голос запоздалая птица; видно, не успела приделать свои дела за долгий летний день и хочет у ночи урвать кусочек. Лес тихо шумит, навевая сон. Издали слышится вдруг легкий треск — сучок, видно, треснул под ногой какого-то обитателя лесной глуши.

Вдруг тишину пронзает протяжный крик филина.

Ити вздрагивает, вмиг просыпается и спрашивает, дрожа всем телом:

— Ой, кто там?

— Это филин заухал.

— Я боюсь, Кусти!

— Не бойся. Филин тебе ничего не сделает. Да и далеко он. Скажи-ка лучше, отдохнула, можешь идти?

— Идти-то могу, да страшно! Гляди, как темно, куда мы пойдём?

— Да, придётся, видно, тут ночевать.

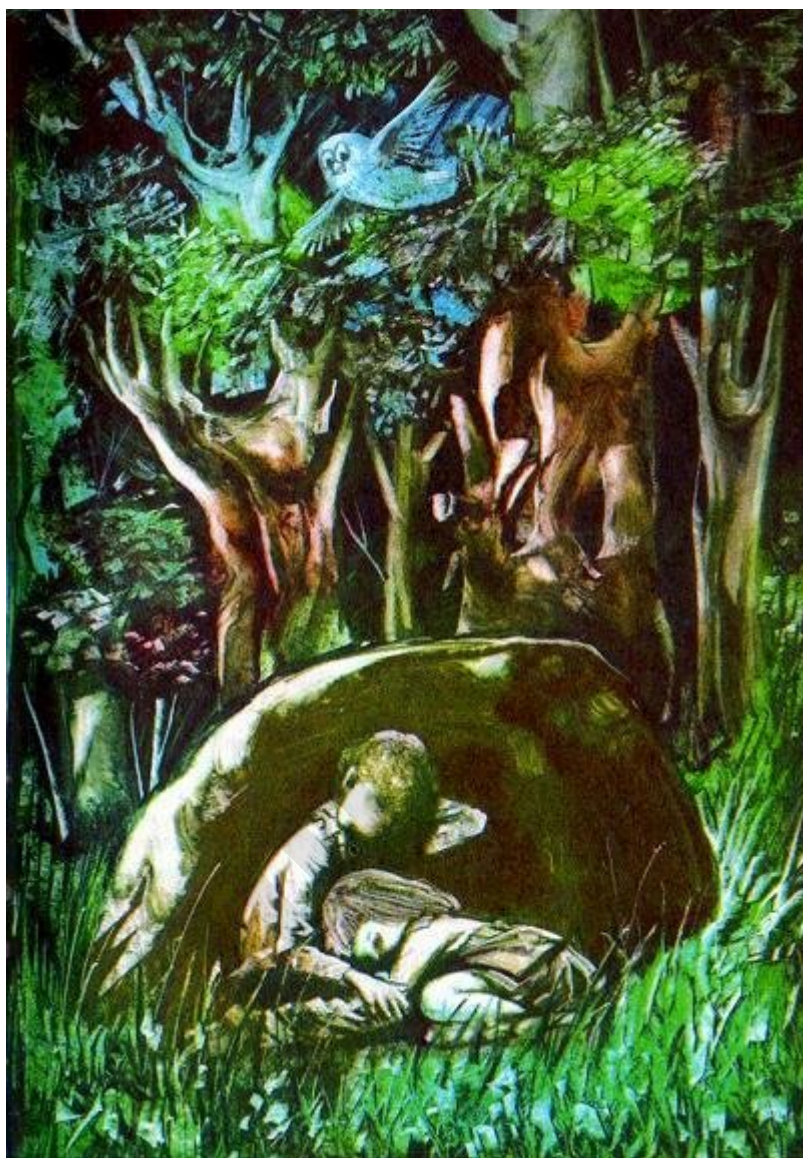
— Нет, нет. И здесь не хочу, домой хочу!

— Да как тут пойдёшь? Поспи-ка ещё маленько. Рассветёт, тогда и пойдём.

— Я филина боюсь.

— Не бойся, глупышка. — Кусты гладит сестрёнку по голове. — Филин тебя не тронет.

Ити опять опускает голову брату на плечо, засыпает. Кусты, подложив под щёку ладонь, прислоняется к камню, сторожит её сон.

Весь день проходит перед его глазами. Тихое солнечное утро. Цветы в саду и на лесной опушке в сверкающих каплях росы. Ещё рано, а пчёлы уже приступили к работе, перелетают с цветка на цветок и с тяжёлым взятком направляются к улью. Все на сенокосе, кроме мамы, готовящей завтрак, да дедушки, который, надев свой мохнатый зимний картуз, ходит от улья к улью и прислушивается к таинственному гуденью. Беспокоится: сегодня пчёлы должны роиться.

И верно, дедушка вдруг бежит в дом, обматывает голову полотенцем, оставив лишь щёлку для глаз, на голову нахлобучивает ушанку, надевает рукавицы и спешит назад.

— Давай дыму! Дыму давай! — кричит он маме, и та наскоро скатывает валиком шерстяную ветошь, поджигает в плите и спешит к бабушке в сад.

Тем временем в саду начинается суматоха. Вокруг старой яблони вьются тысячи пчёл, оглашая воздух громким, сердитым гудом. Бабушка стоит под деревом, как пугало в своём странном одеянье, и ждёт.

На яблоневых ветвях вдруг возникают большие такие клубки, издали похожие на птичьи гнёзда, а мельтешенье над деревом понемногу редет. Бабушка макает веник в ведро с водой и устраивает пчёлам дождик, отчего самые беспокойные бросаются искать укрытие в листве. Затем берёт дымящуюся ветошь, взбирается по лестнице наверх и захватывает рой решетом. Теперь главное — тут ли пчелиная матка... Слава богу, тут!.. Ну, значит, всё в порядке, можно рой вселять в новую квартиру. Слава богу, удачно прошёл отлов!

Кусти вздыхает. Хорошо было у всех на душе, и у него, и у маленькой Ити, что отлов удался... Мама взяла котомку с едой и ушла на покос. Потом вернулось домой стадо.

Потом... Потом пошли они с Ити по ягоды. И чем дальше они уходили от дома, тем больше попадалось ягод, тем была земляника крупнее и слаще. Им бы давно назад повернуть, а кругом от ягод красно!

— Ещё горсточку — и домой, — приговаривает Ити, а сами уходят они всё дальше и дальше.

И вот уже ночь, а они всё в лесу. Этот замшелый валун будто тянул их к себе, уводил с верной дороги. Они с Ити и прежде, конечно, ходили по ягоды, и ничего, не плутали ни разу. Что же сегодня за день такой несчастливый? Ну, да делать нечего, надо ждать рассвета.

Шумит кронами лес. В траве, возле ноги мальчика, зажётся светлячок, рядом другой, будто кто-то следит за ними из травы пристальным взглядом. По ноге Кусти ползёт букашка, пытается своим хоботком впиться в его мозолистую подошву. Кузнечик за камнем заводит свою однотонную песню. Снова ухает филин, теперь уже где-то поблизости. Кусти знает, что это филин, а всё-таки ему страшно. Ити вздрагивает во сне и крепче прижимается к брату. Холодный туман, смешанный с густым духом смолы, плывёт меж толстых стволов. Время от времени доносятся какие-то странные голоса, но ничего не слышно такого, что говорило бы о близости человека или жилья.

Кусти смотрит кверху. Сквозь тёмные кроны прямо на него глядит с неба ясная звёздочка.

А птичка на ближней ели никак не угомонится, помолчит немного и опять за своё.

Вдруг что-то завозилось, зашуршало вверху. Кусти слышит, что-то падает с ветки на ветку и шмякается неподалёку в траву. И тут же раздаётся свист огромных крыльев, и большая чёрная птица, вылетев из темноты, хищно кружит над поляной. Птичка-полуночница, слетев на нижнюю ветку, жалобно щебечет, будто призывая на помощь. Кусти понимает: сейчас может произойти непоправимая беда. Он осторожно укладывает спящую Ити на землю и спешит к месту происшествия. Большая хищная птица, следя за мальчиком, неслышно кружит вокруг ели, а затем взмывает вверх и пропадает во тьме. В траве барахтается крошечное беспомощное существо. Кусти берёт птенчика в руки и сажает на ветку, где птичка-мама встречает его радостным криком.

Ещё какое-то время сверху доносится шорох и писк, потом становится тихо — птичка-мама утихомирила наконец своего шалуна. Кусти перекладывает голову спящей Ити снова к себе на колени, прислоняется к камню и твёрдо решает бодрствовать до утра. Но сон бродит вокруг,

высматривая добычу, и скоро усталые глаза мальчика закрываются сами собой, он роняет на грудь свою курчавую голову и засыпает.

II

Кусты никак не поймёт, долго он спал или нет. Во всяком случае ещё ночь. Голова сестры по-прежнему у него на коленях, ноги она поджала под себя, спасаясь от ночной прохлады. Кусты трёт глаза, пытаясь припомнить, когда его одолел сон. Ах, да... А сейчас с ним вроде бы кто-то говорил, оттого он и проснулся. Странно, кто бы это мог быть?

Мальчик оглядывается и только тут замечает, что рядом кто-то стоит, какая-то сгорбленная старуха!

— Это ты говорила, бабушка? — спрашивает он, окончательно приходя в себя.

— Я, кто же ещё, — отвечает старуха. — Ну-ка, вставай, тут не место спать. И девчонку буди, я вас домой отведу.

— Правда? — обрадовался Кусты. — Домой отведёшь? Мы со вчерашнего дня в лесу, продрогли совсем. Вон, гляди, Ити как съежилась. Отведи нас домой поскорей! Мама тебе за это хлеба даст, и масла, и крупы, и всего, чего пожелаешь.

— Ладно, подымайтесь. Пошли.

— А скажи сперва, бабушка, как ты нас нашла? Не мама ли наша тебя послала?

— По дороге расскажу. Буди девчонку, пойдём!

— Это же Ити, — говорит Кусты, будя сестру. — Почему ты говоришь «девчонку»? Говори: Ити.

— Хе-хе-хе, — смеётся старуха. — Ладно, будь по-твоему. Подымай свою Ити.

А та сонная, никак не хочет вставать. Наконец Кусты удаётся ей втолковать, что они сейчас с этой бабушкой домой пойдут. Ити с трудом прогоняет сон, трёт глаза и, держась за брата, встаёт на ноги. Обе корзинки Кусты берёт себе, чтоб сестре было легче идти.

Старуха ступает впереди, то и дело оглядываясь: идут ли дети следом за нею? Путь лежит через кочки, пни, бурелом; порой Ити больно уколет ногу острым сучком и принимается хныкать, что больше не может идти.

— Ничего, сможешь! — сердито шипит на это старуха. — Скоро придём, тогда отдохнёшь.

А когда Кусты дал сестре несколько ягод, старуха как закричит:

— Не трожьте ягоды! Они мне самой нужны!

Ну, это уж никуда не годится, думает Кусты. Странно, почему мама послала за ними такую злую старуху? Неужто никого подобрей не нашлось?

А хуже всего — чем дальше они идут, тем старуха злее становится. Вот Ити, опять напорвшись на острый сучок, горько заплакала, а старуха уж тут как тут, подскочила, грозит клюкой побить, если малышка тут же дальше не двинется.

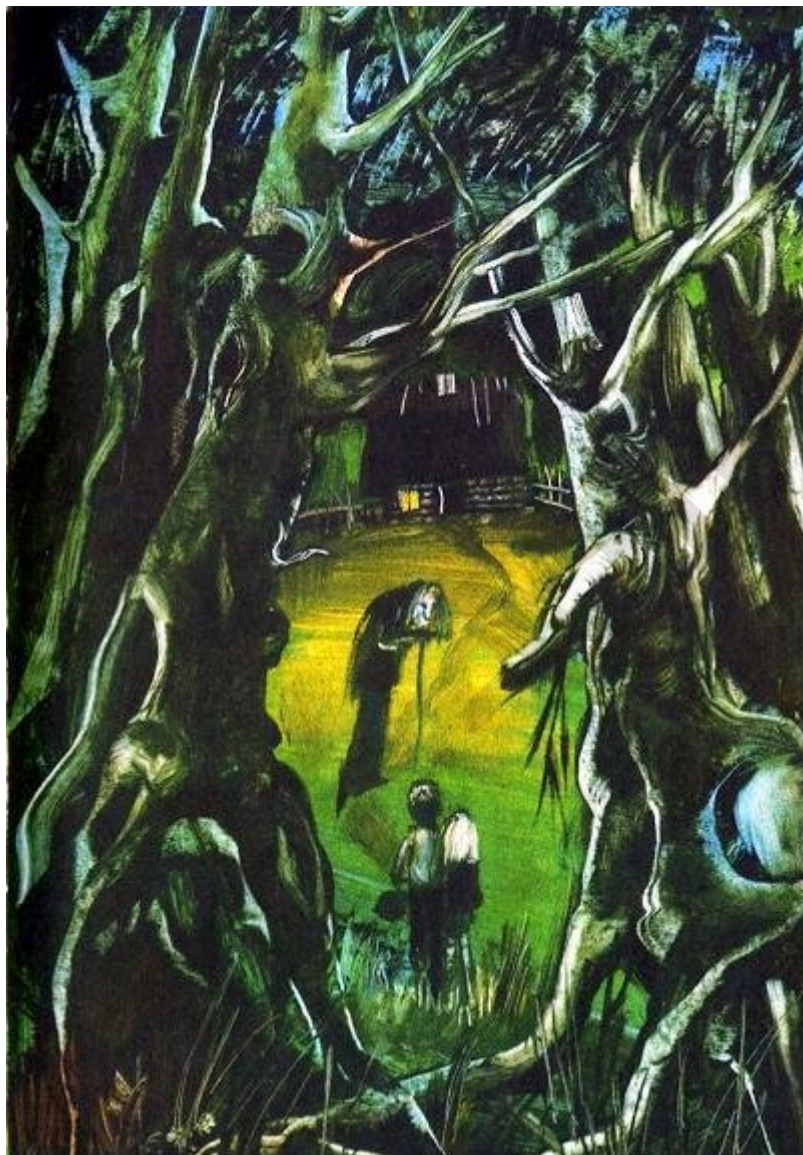
— Бабушка, почему ты такая злая? — спрашивает Кусты. — Не пугай Ити, она же маленькая.

На это старуха только бурчит что-то сквозь зубы.

«Хм, — размышляет Кусти, — к дому поближе могла бы она и поласковой быть. Нет, коли так пойдёт, скажу маме, чтоб ничего ей не давала».

Но что-то не заметно, чтобы дом приближался; лес не становится реже, всё гуще идёт, всё темней. Кроме бурелома да пней, преграждает дорогу густой орешник, с трудом продираются они сквозь колючие заросли. Кусти уже рубашку порвал, а Ити — свою тоненькую кофточку.

Ити, бедняжка, совсем из сил выбилась. И тут видят они, вдали за деревьями мелькает огонёк. Ещё немного прошли и выходят на поляну к небольшой избушке.

— Ну, — говорит старуха, — вот мы и дома. Заходите!

— Как? — удивляется Кусти. — Это, бабушка, видно, твой дом. Это не наш дом.

— Ваш тоже! — хрипит та в ответ. — А ты, парень, не больно-то умничай! А то гляди, коль чего не понятно, так я поучу тебя вот этой клюкой!

Тут Кусти догадывается, что дело плохо. Да что сделаешь, злая старуха насадет с клюкой, надо идти, будь что будет.

Старуха вталкивает их в низкую полутёмную комнату. С порога ударяет им в нос затхлым, тяжёлым духом. У окошка, на столе, заваленном грязной посудой и объедками, горит небольшая лампа со стеклом, от которой больше копоти, чем свету. У стола длинная неструганная скамья, на ней валяется грязное рваньё. Напротив большая печь. А с печи глядит вниз седой старичок, что-то шепча себе в бороду. Вот и всё, что Кусты замечает с первого взгляда. Справившись с испугом, он видит у печи ещё детскую колыбельку, похожую скорее на свиное корыто.

— Гляди, старый, — говорит старуха, ставя посох в угол, — привела из лесу няньку да скотника! Теперь хоть отдыху дам своим старым костям.

— Хм, хм, — бурчит с печи старикашка, — брось-ка их сюда, я на них погляжу.

— Чего глядеть, — говорит старуха, — утром при свете разглядишь. Пускай спать идут, завтра я их рано на работу подыму.

От таких слов пробрала Кусты холодная дрожь — как тогда, в ночном лесу, когда филин заухал. Ити крепко прижалась к брату и тихо плачет: догадалась, что в беду попали.

Тут в колыбели что-то зашевелилось, подало голос. Ну и странный же это голос был — скорей поросычье хрюканье, чем плач человеческого дитяти. Старикан на печи схватил длинный костыль да как толкнёт колыбель — та чуть на пол не обрушилась. Но хрюканье утихло, дитя, видно, привыкло к такому свирепому качанью.

А им больше не позволили новый «дом» разглядывать.

— Живо за печь, спать! — командует старуха.

— Сперва поесть надо, — набравшись храбрости, говорит Кусты. — Сама посуду, бабушка, у нас с утра во рту маковой росинки не было!

— Ишь ты, проголодались! Давай-ка корзинки сюда, а то ещё все ягоды ночью слопаешь, ищи-свищи потом! Полезай за печь, я туда еду подам.

Кусты ведёт плачущую Ити за печь, смотрит, как там лучше устроиться. Ну и хламу тут навалено! Старые опорки, чулки, тряпьё; прусаки бегают и прочая нечисть, будто поджидая, когда можно будет в ребячьи ноги и руки вцепиться. Почуяли запечные жители, будет им сегодня пожива.

Но делать нечего, надо спать укладываться, они так устали, что ноги подламываются. Мальчик отгребает ногой в сторону хлам, устраивает сестру поближе к печке, а потом и сам опускается на это ужасное, противное ложе.

Едва они устроились, бросает старуха за печь две кости:

— Вот вам на ужин!

Потом гаснет свет, старуха кряхтя забирается на печь, и дом погружается в тишину.

— Ити! — шепчет Кусты сестрёнке на ухо. Вот как дело-то обернулось. Попались мы, видно, злой ведьме в когти. Настоящие-то бабушки такие злющие не бывают. И ещё я заметил... у старика-то, там на печи, на голове бугорки такие, вроде рожки маленькие! Ох, не к добру это. Тише, Ити, тише! Не плачь, слушай, что я скажу. Давай попробуем убежать отсюда, и чем

раньше, тем лучше. Подождём, пока старик со старухой уснут, дверь откроем потихонечку и убежим. Все равно куда, лишь бы отсюда выбраться. А пока тише! Притворимся, будто спим...

Скоро на печи начинается храп, да такой сильный, что кажется, вся изба ходуном ходит.

III

— Ну, Ити, — шепчет Кусты, — вставай! Давай руку и иди за мной, да тише, на цыпочках! Смотри не зашуми чем-нибудь, ведьмы чутко спят, хоть и храпят.

С бьющимся сердцем Ити встаёт и даёт брату потную от страха руку. И вот крадутся они к двери, как две лёгкие тени. Вдруг Ити нечаянно задевает за колыбель, и та со скрипом начинает раскачиваться. У беглецов душа в пятки уходит. Кусты укоризненно сжимает руку сестры — вот, мол, растяпа.

К счастью, храп на печи не смолкает — вроде бы всё обошлось. Дети крадутся в темноте, вот они уже у дверей, и Кусты дрожащими руками берётся за крюк... И тут со двора доносится сильный топот, будто несётся табун лошадей. Кусты мигом соображает: это сюда! — и быстро увлекает сестру обратно за печь. Едва успели они спрятаться, как в дверь забарабанили тяжёлыми кулаками.

— Эй, старая, открывай! — завыл страшный, глухой, точно из бочки, голос.

С печи никто не отзывается, потом кто-то из храпящих хватается ртом воздуха, будто вгрызается в кого зубами, раздражается кашлем и переворачивается на другой бок. Всё это выводит, видно, его из забытья, и новые крики снаружи доносятся наконец до его ушей.

— Сейчас, сейчас открою, — бурчит старуха с печи. — Не ломись, дверь сорвёшь.

— Кто там? — шепчет Ити, дрожа всем телом.

— Не знаю, — тихо отвечает Кусты. — Может, за нами пришли? Но ты потише пока, сейчас увидим, кто там.

Старуха слезает с печи, зажигает лампу и отпирает дверь. Кусты выглядывает из-за печи и тут же прячется назад — там такие страшила явились, просто страх.

— Кто там, кто? — тербит его Ити за рукав.

— Тихо, Ити! — говорит брат. — Я и сам не знаю, кто они такие. Только не за нами.

Преодолев страх, мальчик снова пытается разглядеть пришельцев. Это два страшных, огромных мужика, прямо как быки. Оба одеты в странные зипуны из звериной шкуры, обуты в неуклюжие опорки; рожи у обоих тёмные, все в прыщах да бородавках. Сами заросли рожими космами, которых никогда, видно, не касался гребень. А всего страшней — у обоих торчат на голове такие же рога, как и у старика.

— Есть давай! — рычат пришельцы разом, садятся за стол и давай грызть кости и прочие объедки. У них такие ужасные пасти, что косточки только хрупают на зубах.

Старуха ставит на стол большую бадью с какой-то похлебкой, и эти быки принимаются по очереди жадно хлебать через край. Пока один хлебает, другой расстёгивает деревянные застёжки на своём одеянье и громко рыгает, чтоб больше ему в утробу ушло. Вот и бадья уж

пуста, а у них аппетит, видать, только разыгрался.

— Ещё давай! — рычат они разом.

— Тихо! — отвечает старуха, взбираясь на печь. — Нету ничего, всё приели. Спать катитесь, бездельники! Шляются по лесу целый день, хоть бы в дом чего принесли. Откуда я напасусь на вас?

— Я двух тетёрок притащил да кулика болотного, вон в углу, — говорит один страшила.

— Ага! — поддевает его второй. — А трёх-то уток доро?гой слопал?

— Видали! — кричит с печи старуха. — В лесу брюхо набьёт и дома ему ещё подавай! Сколько раз тебе говорить, Обжора, не смей в лесу жрать! Чего поймаете — всё домой тащите.

— Врёт Балбес, — отпирается первый страшила, а сам готов другому в космы вцепиться.

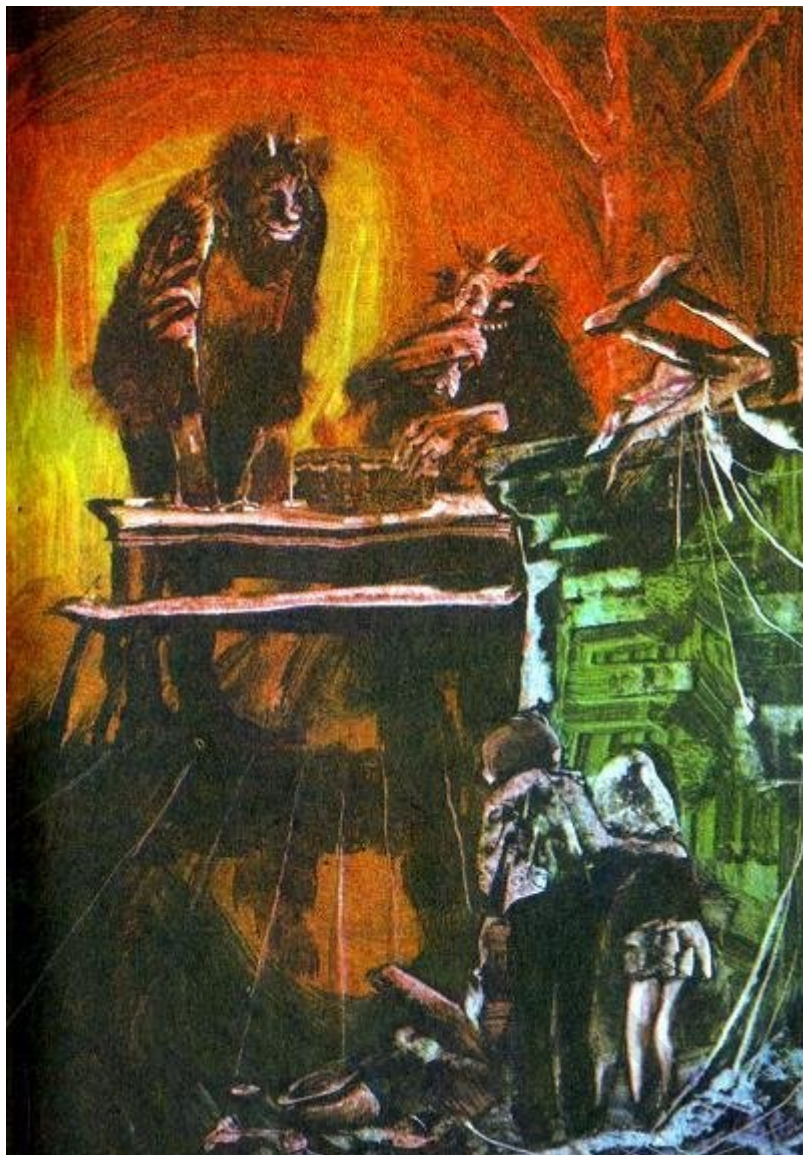
— Заткнитесь сию же минуту! — кричит старуха. — Не то я вас костылём папашиним успокою!

Обжора и Балбес злобно уставились друг на друга, но драться при старухе всё же не решаются.

— На вот, бери, — говорит Балбес примирительно. — Тут ещё поглотать можно.

— Не ври! — рычит Обжора, бросая кость обратно. — Вся обглоданная!

Ещё какое-то время они шумят и препираются, потом тушат свет и заваливаются к стене на солому. И вот уже оба страшилы храпят во всю мочь, и вся изба оглашается таким хрипением и свистом, что слушать страшно.

— Тем лучше! — шепчет Кусти сестре. — Это, видно, старухины дети, с охоты вернулись. Слышала? Один Обжора, второй Балбес. Обжора — который толще, он старший. А младший — Балбес, он поменьше ростом. Да всё равно, оба страшные. И рога у обоих! Давай погодим ещё немного и пойдём. Может выберемся. Обжора с Балбесом уже храпят, только бы старуха поскорее уснула.

Дети выжидают ещё какое-то время, потом встают и тихо крадутся к двери. Вот они уж до колыбели добрались, но тут старик на печи переворачивается на другой бок, толкает свой костыль, и тот с грохотом падает на пол. От этого стуку старуха опять открывает глаза:

— Кто там шумит?

Кусти и Ити молчат, притаились как птенчики.

— Кто шумит? — сердито повторяет старуха.

Сестричкина ладошка в руке Кусти дрожит, и прежде чем он успевает её остановить, девочка отвечает тоненьким голоском:

— Никто.

— Ах, никто! — старуха с грохотом соскакивает с печи. — Ах, никто! А ты чего шляешься по

избе?

Кусты чувствует, как костлявая старухина рука хватает его за волосы и так дёргает, что он чуть не падает навзничь.

— Никто, говорите? — глумится старушенция. — Удрать от меня захотели, голубчики! Так вот, мотайте на ус, что я вам скажу. Перво-наперво: отсюда вам не удрать. Попались ко мне — здесь и останетесь. Мне как раз такие птенчики и нужны! А место это от жилья человеческого в такой дали, что никто вас тут не отыщет веки. А коли сбежите сдуру — в лесу заблудитесь, волкам попадетесь в зубы. А волки не съедят, так я вас всё равно отыщу, моих крошек, приволоку домой и отдам сыновьям на съеденье! Вот так, голубчики вы мои. Слышали, что сказала? А кроме того, видали мою клюку — вон стоит у дверей? Про неё не забывайте! Кто слов не понимает — тому придется клюка по загривку, живо научит! Вот так, мои пташечки! Ну-ка, ну-ка, девчонка... где твоя головушка? Вот вам!

И с этими словами злая старуха так стукнула их лбами, что у брата с сестрой искры из глаз посыпались. Потом отослала их спать: берегитесь, мол, не смейте и носу из-за печи показывать!

Обжора с Балбесом завозились на соломе. Балбес спрашивает сонным голосом:

— Ты кого это там, мамаша?

— Кого надо, — отвечает та с печки.

— Что такое? Вроде духом человеческим запахло... — ворчит сонный страшила. А который из них — не разобрать в темноте.

— Ну и что из этого? — спрашивают с печки. — Хоть бы и человек тут был, тебе какое дело?

— Никого нету... А то бы съел...

Помолчали немного, потом старуха говорит зевая:

— Спи-ка лучше, Обжора. Никаких тут людей нету...

Пригорюнились за печью брат с сестрой, что не удалось им убежать. А ещё хуже — этот разговор Обжоры со старухой. Ити плачет, братнин рукав весь от слёз намок. Да и Кусты едва слёзы сдерживает. Но надежды он не теряет, несмотря ни на что. Ещё какое-то время горюют бедные дети, а потом одолевает их тяжкий сон. Только клопы да тараканы рады — нынче есть им чем поживиться.

IV

Опять Кусты никак не поймёт: долго он спал или только на короткое время забылся. Одно ясно, тормозит его кто-то за ногу, велит подыматься. Нога и бок болят от жёсткого ложа, икры саднит от клопных укусов. Мальчик не может понять, где он, что с ним, но ему об этом живо напоминают.

— Вставай! — шипит старая карга. — Лежебок мне тут не хватало! Свиной пора кормить, хворост и воду таскать, грядки полоть. Вставайте живо, не то палки отведаете. И девчонка — похнычь ещё у меня! Вставай, будешь с дитём водиться.

Протирая глаза, брат с сестрой выбираются из-за печи и ждут, что ещё им скажет старуха. Кусти с опаской глядит в угол, где ночью валялись страшила, но там никого. Обжора с Балбесом куда-то пропали, солома и тряпьё раскиданы по всей избе.

— Ты сюда иди, Ити, или как тебя там, — шепелявит старуха. — Будешь ребёнка качать. Да смотри, чтоб не вывалился. А как проснётся — возьми молока бутылку из печи и дай ему. Да гляди, чтоб не ушибся, а то уши оторву! А ты, парень, на двор иди, там твоя работа.

С этими словами хватает хозяйка Кусти за шиворот и ведёт на двор. Время раннее, солнце едва поднялось. Дома-то в эту пору брат с сестрой поворачивались на другой бок и спали себе дальше, а здесь их уже к работе приставили. На траве блестит холодная роса, отчего застывшие ноги мальчика ещё больше краснеют, тоненькая рубашка тоже не больно-то защищает от утренней сырости. Но старуха не обращает на это никакого внимания.

— Пойдём, — говорит, — сперва отведу тебя к роднику, чтобы знал, откуда воду таскать. Хворост вон тут, на опушке. Да смотри, в лес дальше не заходи, не то тебя волки съедят. Тут волков пропасть, один другого страшней. Воды и хворосту натаскаешь, ступай в огород траву рвать для свиней. Да гляди у меня! Чуть что, повторять не стану, сразу прибью! Ну, вот родник, как видишь. Теперь пойдём, огород покажу.

Показав Кусти, где его работа, старуха отправляется в загон доить коз. На другом конце загона хрюкают две огромные свиньи, которым Кусти с сегодняшнего дня должен траву сечь на корм.

Тем временем Ити в избе качает ребёнка, со страхом глядя на грязные тонкие ножки, торчащие из колыбели. Корытце ему мало, во весь рост тут не вытянешься. А ступни-то, страх один! На кривых пальцах торчат длинные острые когти. Бог знает, коли у ребёнка такие ножки, каков же он сам!

А старик на печи спит по-прежнему, посвистывая носом на все лады.

Ити разбирает любопытство — хочется на самого ребёнка взглянуть. Отведя немножко край полога, она заглядывает в полутёмную колыбельку. Но только она наклонилась, как вдруг чьи-то острые когти хватают её за нос! И тут же оттуда доносится грубый, как у взрослого, голос:

— Ням-ням! Ням-ням!

— Ай! — пугается Ити. — Отпусти! Сейчас дам тебе ням-ням. Молоко в печи, погоди маленько. — Когти выпускают девочкин нос, и та в испуге отскакивает от колыбели. Поначалу она хочет из дому выскочить, позвать на помощь, но спохватывается, что нельзя ей от этого ребёнка никуда отходить. А колыбель словно оживает — трясётся, качается, ходуном ходит, будто кто кувыркается там через голову. Того и гляди этот «ням-ням» вывалится, ушибётся. Нет уж, лучше так делать, как велено.

Ити вытаскивает из печи бутылку молока и спешит к колыбели. Из-за полога тут же высовывается маленькая мохнатая ручонка и тянется за бутылкой.

Несколько минут из-за полога доносится только жадное чмоканье, потом ручонка высовывается и сует Ити пустую бутылку:

— Ням-ням!

— Да откуда я возьму тебе ням-ням? — всплёскивает Ити руками. — Хватит, нету больше. Уж не знаю, какой ты там есть, а этого молока и мне бы хватило!

На мгновение ребёнок затаивается. Но вдруг срывает полог, и вот уже в колыбели во весь рост стоит смуглый, заросший шерстью крепкий мальчишка. Теперь Ити видит его всего, с ног до головы. Голый, как морковка, мальчик, даже рубашонки на нём нет. Видом он, конечно, не красавец, но не такой уж и противный, как сперва думала Ити. Что хуже всего, так это бугорки на темечке, скорее даже рожки; да и уши уж больно остры, торчком стоят.

Мальчишка, однако, не даёт себя долго рассматривать. Перевешивается через край, будто задумал вывалиться. Ити тянет к нему руки, соображая, что ей с ним делать.

— Топ-топ, — говорит мальчишка. Мол, на пол хочу.

— Ага, — понимает нянька, — погоди, погоди, сниму тебя, будешь делать топ-топ.

Но едва спускает она голого мальчишку на пол, как тот бросается к столу, гремит посудой, потом кувыркается на соломе, а когда Ити пытается его утихомирить, вцепляется ей в волосы. В нём будто бесёнок сидит, дразнит няньку по-всякому, выводит её из себя.

— Ах ты шалун какой! — говорит Ити маленькому сорванцу.

Тут в избу входит Кусти с полным ведром воды. Увидев выходки малыша, он грозит:

— Ну-ка сейчас же успокойся! Не то живо водой окачу!

А малыш и сам уж у ведра, присосался — не оторвёшь. Надулся да ещё и ведро попытался опрокинуть, но силёнок не хватило.

Получив за это от Кусти хороший шлепок по попке, сорванец визжит и показывает обидчику маленький кулачок.

— Ну и егоза тебе достался! — говорит Кусти сестре.

— Вот и понянчи такого, — вздыхает та.

А со двора уже старуха кричит, зовёт Кусти.

— Не будет слушаться — сразу шлёпку давай, — советует брат и уходит работать.

Натаскав хворосту, Кусти принимается полоть грядки. У хозяев за домом неплохой огородик, но грядки так запущены, что из-за сорняков овощей не видно. Кусти знает, какая у моркови ботва, какая у свёклы, осторожно полет, старается. Но всё же, бывает, вместе с сорняком и овощ какой ненароком выдернет.

И со всем бы он согласился, даже с такой работой, если б... кормили вовремя. Но об еде и речи нет, а ведь они с Ити со вчерашнего утра ничего не ели. Те две кости, что им за печь ночью бросили, так там и лежат. А есть хочется, сил нет.

Наконец появляется старуха — проверить Кустину работу.

— Ну, как работа идёт? — а сама грядки оглядывает.

— Работа идёт что надо! — говорит Кусти. — А скажи, бабушка, когда ты нас кормить-то будешь? Проголодались мы, мочи нет.

— Проголодались? — смеётся старуха, — А ты, я вижу, шустрый мальчишка, и полешь вроде чисто. Чего же это ты проголодался в такую рань, никак не пойму? Так рано только скотину кормят.

— Мы с Ити со вчерашнего утра не ели!

— Ах вот оно что, — издевается старуха. — Что вы когда-то не доели — это дело не моё, я вас за это кормить не стану. А сейчас работай, поли грядки как следует, да смотри овощ какой не выдерни! Получишь есть, как время придёт.

Старуха принимается рыться в куче сорняков, находит там один-другой случайно выдернутый овощ и ругает Кусти на чём свет стоит. Даже за волосы его под конец оттаскала.

— Вот и угостила! — ворчит Кусти, когда та наконец оставила его в покое.

Так, не евши, не пивши, работают они почти до полудня. Потом их кормят жидкой похлёбкой — и снова на работу. Кусти должен всю траву, что наполол, изрубить, подлить воды, подмешать немного муки и этим пойлом свиней накормить; потом опять воды наносить, хворосту натаскать, тетёрку и куликов ощипать, которых ночью принесли страшила. Да ещё старику спину почесать и много разной другой работы приделать. И куда ни пойдёшь — везде старуха с клюкой наготове. Старик же, наоборот, совсем не мешает, лежит на печи, болезнь, что ли, гложет его или ноги не держат. Но и он нет-нет да и грохнет костылём, забурчит что-то в бороду. Хочет, видно, показать, в первую очередь Ити, что он жив, чтоб не очень-то, мол, ребёнка обижала. В обед старая карга поит его из бутылки каким-то зельем, растирает ноги, бурча при этом непонятные заклинанья.

А малыш между тем напялил домотканую рубашонку и носится, прыгает, словно козлик. Но едва завидит Кусти, мигом прячется в угол и говорит, показывая, как его шлепают:

— Кути — на, на! Кути бяка!

Старших братьев не видно, весь день где-то пропадают, приходят поздно ночью.

Вечером дают брату с сестрой опять немного похлёбки да пару тетеревиных косточек, и старуха гонит их за печь спать.

— Ох, сестрёнка, — жалуется Кусти. — Ноги устали, мочи нет! Кормлю, кормлю этих свиней, а они всё голодные. Ну и зверюги, того и гляди самого сожрут.

— А мальчишка-то мой, — вздыхает Ити, — наверно, и их голодней! Молока в него прорва уходит, а он всё своё: «Ням-ням да ням-ням!» И это бы ничего, так он чуть что, сразу за волосы дёргает!

— Погоди, — успокаивает брат, — я его от этого быстро отучу. Видала, как шлёпку получил утром, больше к ведру не суётся.

Кусти сморила усталость, он уж было заснул, как сестра зашептала ему на ухо:

— Как думаешь, Кусти, не попробовать ли опять нынче ночью?

— Нет, сестричка, — так же тихо отвечает брат. — Эту ночь, и завтрашнюю, а может и еще одну давай попробуем тихо-тихо спать, если только клопы да тараканы дадут. Старая карга настороже, к каждому шороху прислушивается. Пусть успокоится, подумает, что мы и не собираемся бежать. Вот тогда и дадим дёру. А пока надо потерпеть, ничего не поделаешь. Коли она ещё раз нас поймает — не знаю, что и сделает. Посадит ещё под замок, тогда уж не убежишь. Потерпи, Ити! Я тебе скажу, как время придет...

V

Так проходит ещё день, и третий, и четвёртый... Сильно соскучился Кусти по дому, да никак не может улучшить подходящий момент, чтоб бежать. Если б он один попался в лапы старухе! На другой же день бы сбежал. Но в том-то и беда, что хитрая ведьма их с сестрой строго порознь держит. Кусти целый день на дворе за работой, Ити в избе нянчит «ребёнка». Ему проще простого из сада в лес улизнуть, да сестру-то не бросишь.

И работа непосильная — это ведь тоже старухина хитрость. У неё такой расчёт: дети за день так умяются, что ночью и думать ни о чём не в силах. Кусти это понимает, а что делать? Он уж пытался толковать хозяйке, дала бы, мол, им с Ити малость передохнуть, а у той один ответ — начинает клюкой грозить и ещё больше их погоняет.

Вот и сегодня собрался он с духом и говорит:

— Ты, бабушка, только и знаешь, что нас погонять. Пустила бы нас с Ити отдохнуть, поиграть маленько. У нас в деревне таких детей работать не заставляют. Мы дома играли целыми днями. А ты с утра до вечера стоишь над душой. Сколько это выйдет часов? Уж больно долгий рабочий день у нас получается.

— Вот как! — издевается та. — Ты что же, рабочий день требуешь сократить? Ишь, бездельник! Хорошо хоть, Обжора с Балбесом такого не слышат, а то бы уже в обед домой заявлялись. Да их тогда горячей кочергой из дому не выгонишь! Смотри, не вздумай при них такой разговор завести. Вот возьму клюку да проучу тебя как следует!

— Ну тогда, бабушка, хоть бы кормила получше, — не унимается Кусти.

— Получше? Как это понять — получше? Да разве бывает еда лучше той, чем мы тут едим?

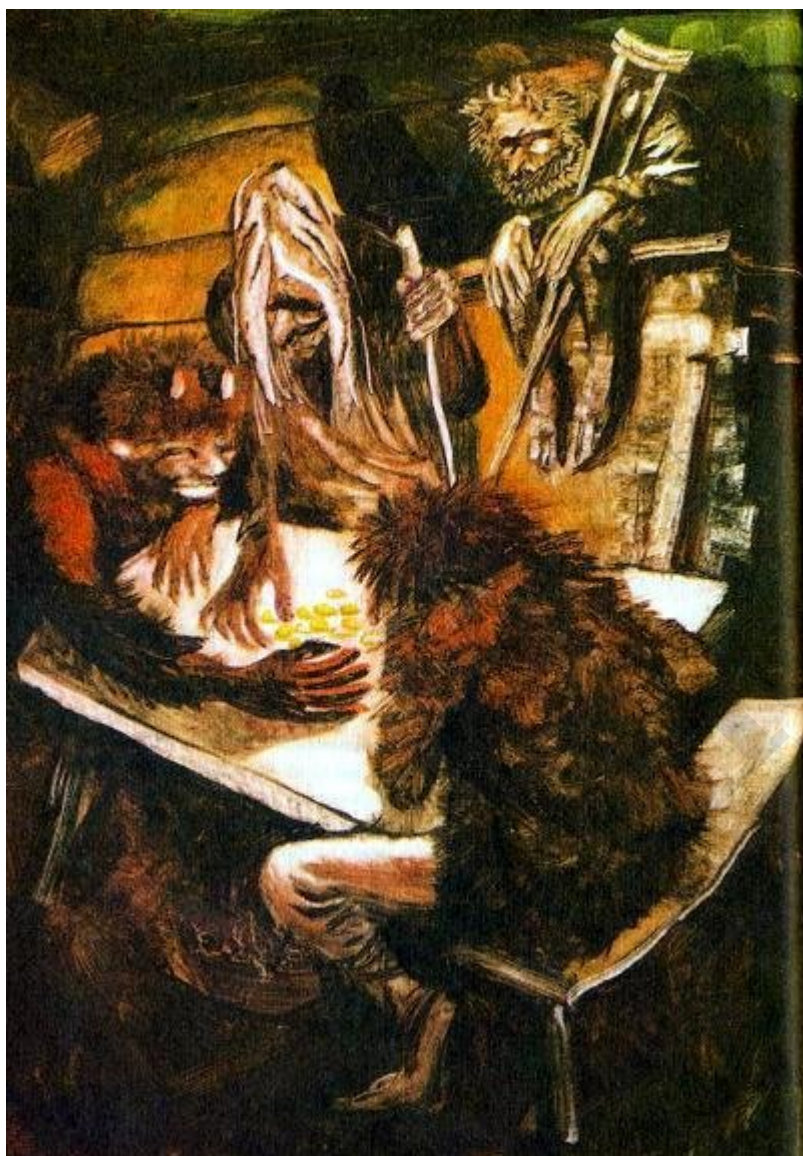
— Вот-вот! *Вы* едите! А что нам с Ити даёте? Похлёбку пустую да кости обглоданные!

На это старуха ничего не ответила. Потом поскребла в голове и пообещала сходить за клюкой. Однако не вернулась — ни с клюкою, ни без неё.

Через некоторое время мальчик идёт в избу и видит: старуха, забравшись на печь, растирает старику ноги каким-то снадобьем. Про свою угрозу она вроде и забыла.

Так проходит день за днём, и ничего в их жизни не меняется. Рабочий день по-прежнему долг и труден, вот только кормить разве стали чуточку лучше. Обжору с Балбесом видят они редко, по ночам, когда те, шумя и ссорясь, возвращаются из лесу. Судя по всему, днём страшилы охотятся, потому что всегда приносят какую-нибудь дичь. Иногда ночью при свете керосиновой лампы они гнут луки, строгают стрелы, и Кусти догадывается, что птицу добывают они при помощи самострелов. Кроме того, братцы, кажется, помаленьку разбойничают — однажды притащили кошель, высыпали деньги на стол и ссорились над ними до самого утра. То-то глаза

у них разгорелись! Даже старикан загрёб костылём несколько монет, потребовал свою долю. За дележом они подняли такой крик, что старухе пришлось взяться за клюку и вмешаться. Кончилось тем, что старая ведьма сгребла все монеты себе в чулок, а страшил в лес услали за новой добычей.

Что дети живут в доме, братцы знают, но пока ничего плохого им не сделали. Однажды, правда, Обжора забежал домой среди бела дня и столкнулся на пороге с Кусти.

— Погоди-ка, погоди, парень, — промычал страшила. — Хоть пол-обеда с тебя мне будет!

Тем дело и кончилось. Обжору тут же в лес услали, и с тех пор не обращал он на Кусти никакого внимания. Конечно, старуха запретила страшилам детей трогать — они в доме полезные, вместо рабочей скотины. В доме, разумеется, она верховодила. Да так часто бывает: где злая женщина в доме — она там и хозяйничает над всеми.

Кусти тоскует по дому всё больше и больше. А Ити — нет, о побеге почти и не заговаривает в последнее время. Странно, но она начинает привыкать к своему новому дому. А ещё удивительней, что своего подопечного, этого противного мохнатого мальчишку, она даже защищает, если Кусти грозитя того отшлёпать. И малыш вроде бы платит ей тем же — больше слушается, часто сидит у Ити на коленях, болтает ножками и слушает, как та поёт. Она для

него даже песенку сложила:

Маленький играет,
ножками болтает.
Ножками болтает,
никак не засыпает...

Брату, конечно, по душе, что Ити не принимает близко к сердцу своей неволи. И всё же его огорчает её покорность и равнодушие, что сестра вроде и дом, и родителей уж начала забывать.

Однажды ночью, когда все в избе спали, Кусти тихонько растолкал сестру и говорит, самое, мол, время бежать. А та мнётся, погодим, говорит, лучше до завтра.

— Почему до завтра? — удивляется Кусти. — Да я тут и лишнего часа быть не хочу!

— Ну хорошо, сейчас так сейчас, — зеваает Ити. Брат видит, нет в ней уже той радости, с какой прежде она слушала его планы.

На этот раз они благополучно выбираются из избы и останавливаются на дворе перевести дух. И надо же, опять беда откуда не ждали: кругом в темноте глаза волчьи светятся, будто свечи! Знать, правду старуха говорила, когда в первый день их волками стращала.

Увидев страшных зверей, Ити тянет брата назад в избу, но тот не идёт, предлагает всё же попытаться крадучись как-нибудь пробраться; на худой конец от волков на дереве можно спастись.

Уговоры не помогают — сестра волков боится больше, чем старой ведьмы, больше Обжоры с Балбесом. А хищники, почуяв добычу, подбираются всё ближе, разевают свои ужасные пасти. Ити перепугалась вконец, и ничего им не остается, как вернуться в избу и так же тихо прокрасться обратно за печку.

Ити тут же засыпает как ни в чём не бывало, а Кусти ворочается, не может уснуть. Опять сорвалось! Это не столько огорчает, сколько злит мальчика. И надо же было проклятым волкам как раз в это время подойти к опушке! Да они будто сторожат, чтоб мы не убежали. Так, чего доброго, и домой никогда не вернёшься. И мальчик задумывает новый план: в следующий раз надо бежать среди бела дня, как только старуха выпустит их из виду.

Эта мысль успокаивает Кусти, и он наконец засыпает.

VI

На следующий день жизнь в доме идёт своим чередом. Ити нянчит ребёнка, Кусти воду носит, таскает хворост, полет грядки. Хозяйка, к счастью, не догадалась, что «птенчики» ночью чуть было не улетели, иначе нашлась бы работа её суковатой клюке. Но ничего, обошлось.

Утро уж занялось, Кусти давно на огороде, грядки полет.

Вдруг рядом садится на грядку небольшая пичужка и принимается весело щебетать. Мальчик сперва не обращает на неё особого внимания, но потом прислушивается. Ему вдруг чудится в пичужкином щебете что-то знакомое, будто птичка хочет ему что-то сказать. Он кивает ей, как будто здороваются, и слушает дальше. Через какое-то время он с удивлением обнаруживает, что понимает птичьи язык!

— Ах вот ты где, Кусти, — щебечет птичка. — Грядки полешь у старой ведьмы, а про дом-то, никак, забыл?

— Где там забыл! — отвечает ей Кусти. — Да убежать-то никак не могу. Днём старуха с нас глаз не спускает, ночью волки в лесу сторожат.

— Пора, пора вам домой, — говорит птичка. — Отец с матерью ждут не дождутся, плачут по вам. Дедушка три новых улья поставил, да не радуют они его, потому что нет с ним Ити и Кусти.

— Вот как? — опечалился мальчик. — А скажи, птичка, откуда ты всё это знаешь?

— Да я с вашего двора как раз лечу.

— А как ты узнала, что мы тут?

— Ох, — отвечает птичка, — мне это с той ночи известно, когда старая карга нашла вас у камня и сюда привела. Неужто ты меня, Кусти, не узнаёшь? Я ведь та самая, чьего птенчика ты от филина спас.

— Ах вот оно что! — обрадовался Кусти.

— Да, я та самая и есть. Мой сынок в тот вечер совсем расшалился, никак угомониться не мог. Даже из гнезда вывалился и попался бы филину в когти, если б ты вовремя не подоспел. Так что где вы, я уже тогда знала. А вот откуда вы — это я узнала только сегодня. Сколько деревень облетела, всё слушала, не ищут ли где пропавших мальчика с девочкой. И вот сегодня слышу, на одном дворе оплакивают родители своих Ити и Кусти, и сразу поняла, что вы и будете с этого хутора. Ну, я полетела скорей сюда передать тебе весточку. Да, чуть не забыла. Там в саду копался ещё какой-то старичок в зимней шапке. «У меня, — говорит, — уже три роя новых, да как мне радоваться, коли Ити с Кусти пропали!»

— Дедушка! — крикнул Кусти со слезами на глазах.

— Наверно, дедушка, — говорит птичка.

— Спасибо тебе, птичка, за добрую весть, — говорит Кусти после недолгого раздумья. — А вот как нам отсюда убежать, я до сих пор не знаю.

— Как бежать? — повторяет птичка, подлетая к мальчику так близко, что он рукой мог бы до неё дотронуться. — А вот теперь в самый раз будет. Я сейчас лесом летела и видела, как Обжора с Балбесом нашли в лесу клад, котёл с монетами, и пытаются его вытянуть. Но он ни за что им в руки не дастся, сколько они там ни шуми. Дураки они, а тут надо слова особые знать, чтобы котёл их послушался. Думаю, они скоро устанут и домой побегут старуху звать. А старухе о таком деле два раза повторять не придётся, это уж точно! Тут же побежит. Тогда в избе никого не останется, кроме старика. А тот на печи сиднем сидит, бежать вам не помешает. Вот как. Ну, хватит тебе для первого раза. Теперь поли грядки и никому чтоб ни словечка про наш разговор!

Кусти так и застыл с раскрытым ртом. Хотел было что-то ещё спросить, но птичка пропала. И верно, на то причина была: тут же заскрипели ворота и появилась растрёпанная старуха.

— Ну, Кусти, — сейчас же прицепилась она к мальчику, — что-то медленно у тебя сегодня работа идёт. Ты, я вижу, обленился в последнее время. Был шустрый мальчишка, а нынче надо

мне, видно, с клюкой посоветоваться, что с тобой делать, чтоб ты порасторопней двигал руками-ногами.

— Бабушка... — начал было Кусти, но вдруг застыл, прислушиваясь. Из лесу послышался громкий топот, треск, будто целое стадо приближается. Скоро появляются запыхавшиеся Обжора с Балбесом, бросаются в дом, тут же с шумом вываливаются обратно и напрямик в сад к старой ведьме. Запыхались, рожи потные, дышат, как кузнечные меха.

— Уже заявились! — криком встречает их старуха. — Мало мне одного бездельника, так ещё двое пожаловали! А ну живо катитесь в лес!

— Мам-мам-мам... Мамаша, — заикается Обжора. — Мым... мым... мым... мы нашли...

— Чего ещё вы нашли? — вопит старуха.

— К-к-к... котёл, — заикается Балбес. — С деньгами!

— Где? — вопит старуха, услышав такое.

Братцы показывают в сторону леса.

— Что же вы сюда его не притащили, дурни окаянные?

— Никак, — хрипят те, — не слушается! Пошли, ты слово знаешь...

— Ах вы дубины стоеросовые! Что ж вы сразу-то не сказали? — кричит старуха и скорёхонько бежит с ними сперва к дому, а потом в лес.

Кусти ждёт, пока стихнет топот, потом идёт потихонечку в дом, чтобы незаметно для старика Ити позвать. Но старик вдруг кричит с печи:

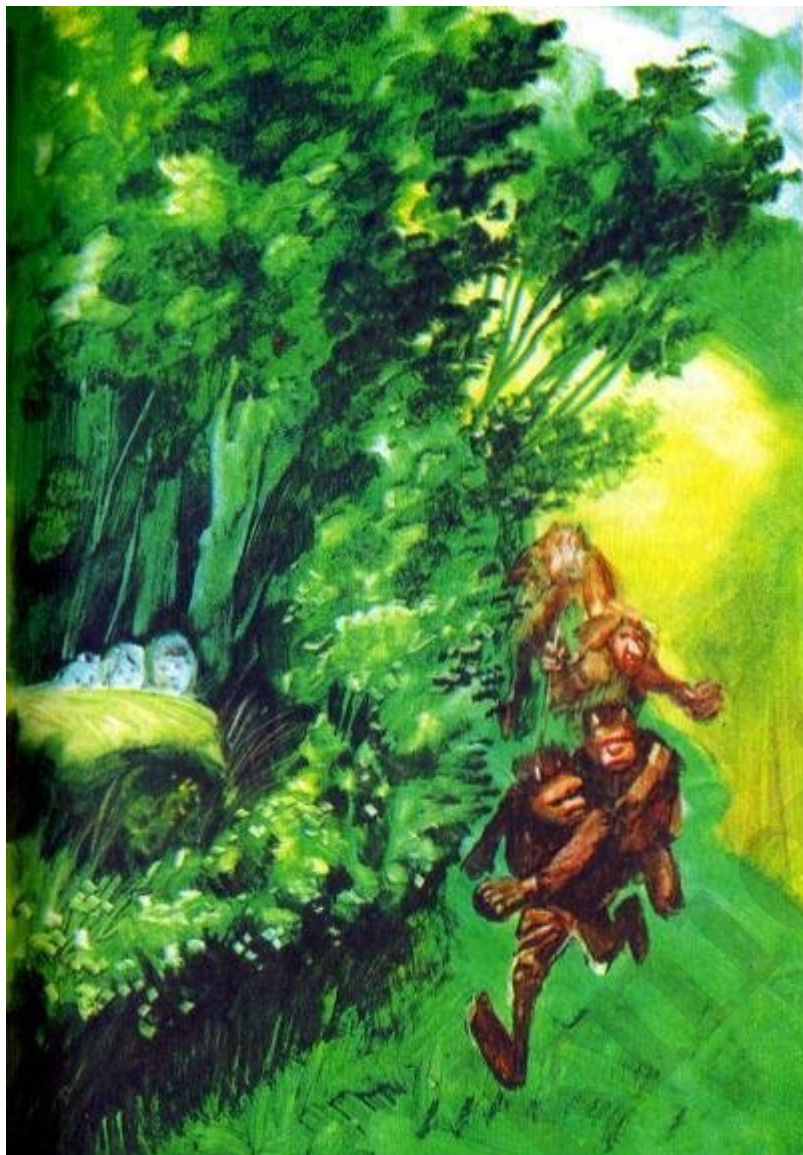
— Кто там ходит?

— Это я, Кусти, — пугается мальчик.

— Ты не знаешь, куда это ребята с мамашей побежали?

— Ребята?... Как же, знаю... В лес побежали котёл с деньгами откапывать. Обжора с Балбесом клад нашли.

— Клад? — старик аж сел на печи. — А ну-ка, парень, помоги мне с печи слезть да подай костыли скорей! Пойду и я погляжу.

Кусты помогает старику слезть, даёт ему костыли. И тут они видят такое, чего ещё ни разу не видели: старик самолично ковыляет на костылях к выходу и вприпрыжку, как подстреленная ворона, устремляется к лесу. В доме остаются они одни да ещё малыш, который как раз встал в своей колыбельке — кушать просит.

— Ну, козлёнок, — говорит Кусты, — придётся тебе обождать на этот раз. Эти кладоискатели не скоро, видать, вернуться...

— Почему же, молоко-то в печке, — говорит Ити, спуская малыша на пол. — Зачем ему их-то ждать?

— Нет у нас времени с ним возиться, — говорит Кусты сестре. — Бежать надо! Бежим, пока никого нет, другого раза не будет!

— А ребёнок как же? — пугается Ити.

— Ребёнок? — кричит Кусты. — Ребёнок пускай тут остаётся! Не брать же его с собой.

— Ну как я его тут одного оставлю? Ушибётся ещё, он ведь глупенький.

Рогатый мальчонка вопросительно смотрит то на брата, то на сестру и кивает головой, будто сказать хочет: конечно, он ещё глупенький...

— Кончай разговоры! — сердится Кусты. — Надо наконец и о себе подумать. А спорить будем да время терять — так и домой никогда не вернёмся, и сами же будем виноваты! Давай скорей! Ну, коли хочешь, дай ему молока, пусть лакает. А как уж он тут будет — это не наше дело. Да если уж на то пошло — я бы захватил кое-что с собой... Знаю, где старуха деньги прячет... Да ладно уж! Не надо мне денег награбленных.

Ити даёт малышу бутылку с молоком, нежно гладит его по головке, по маленьким рожкам...

Тут на окне появляется птичка.

— Чик-чирик, чик-чирик, — щебечет она. — Чего стоите? Скорей, скорей! Путь долог.

— Сейчас, сейчас, — отвечает ей Кусты к большому удивлению сестры, которая поначалу не обратила на птичку никакого внимания.

Кусты берёт сестру за руку и почти насильно оттаскивает её от малыша. Но едва они доходят до порога, как маленький несмышлёныш с плачем бросается следом:

— Ити! Ити!

Он вцепляется Ити в подол и повисает на нём, как репей. Понимает, видно, что его бросают тут одного.

— Видишь? — чуть не плачет Ити. — Как же мы его бросим?

— А ну отцепись! — не на шутку сердится Кусты. — Брысь, пошёл!

Но как он ни ругается, как ни успокаивает малыша Ити, тот ни в какую. Вцепился в подол, даже про свою бутылку забыл, будто — виданое ли дело — аппетит у него пропал!

— Ну, это уж слишком! — окончательно взвизгивается Кусты.

— Долго нам тут с тобой возиться? Вот возьму бабкину клюку!

— Нет, нет! — защищает Ити малыша. — Не бей его! Давай по-хорошему, ты всегда такой добрый был, Кусты! А что если мы с собой его возьмём? Жалко его, он плачет, бедненький!

Кусты не знает, что и сказать. Усмехается, а потом глядит, что птичка скажет.

— Делайте как хотите, — щебечет та. — Только поскорей!

Кусты колеблется ещё пару секунд, потом резко поворачивается и говорит:

— Ну хорошо, бери, коли хочешь. Но если спросят дома, сама будешь отвечать, это ты его привела, а не я!

— Хорошо! — говорит Ити радостно. — Конечно, скажу! — и берёт малыша за руку.

Уводя его, она напевает песенку:

Маленькие ножки,
остренькие рожки.
Маленькие ножки
скачут по дорожке...

Птичка, порхая с ветки на ветку, показывает им дорогу. Сперва маленькие путешественники выходят на тропу, протоптанную в траве Обжорой и Балбесом. Потом пернатая проводница устремляется в лесную чащу, зовя их за собой. Малыш поначалу резво семенит ножками, время от времени отхлёбывая молока из бутылки, и что-то лопочет на своём языке. Но скоро он устаёт, а может упрямится, бог его разберёт. Наконец совсем останавливается, показывая пальчиком себе на ногу:

— Ити, Ити!.. Ноза!

— Погоди, Кусти, — просит Ити. — У мальчика заноза, идти не может.

На самом-то деле никакой занозы нет и в помине. Хитрит малыш, хочет к Ити на ручки.

— Ага! — смеётся Кусти. — Тащи теперь! Посмотрим, далёко ли утащишь такого егозу.

— Не бросать же его тут, волкам на съеденье, — вздыхает Ити. — Загрызут его, одни рожки оставят...

А пернатая проводница щебечет, поторапливает.

— Ты ведь знаешь, у меня сынок дома, — говорит она Кусти. — Голодный сидит. Не вернусь вовремя — он всполошится, из гнезда может вывалиться. Да и эти лешаки, чего доброго, догонят, если не поторопимся. А что они в погоню бросятся, это как пить дать. Так что скорей, скорей, подальше от этого бесовского дома!

Кусти видит: тяжело сестре, ноги у неё заплетаются. Делать нечего, пришлось мальчишку себе взять на закорки. А тот и рад верхом ехать — отхлёбывает из бутылки, поёт песенку. Кусти уж весь в поту. Чёрт бы побрал этого сорванца! Хоть бы сам немного прошёл. А не хочешь — оставайся в лесу!

— Что-то мы, — говорит птичка, — не больно быстро идём. Ну да ладно, пойдёмте всё-таки к большому камню. Хоть и круг сделаем, а я своего сыночка покормлю. Тогда у меня и на вас больше времени останется.

И правда, скоро выходят они к знакомому месту, к тому самому валуну. Пока птичка кормит своего птенца, они собирают землянику, подкрепляются на дорогу. Малыш берёт ягоду всех проворней. Да только нечисто берёт, бросает ягоды в рот вместе с травой да со всяким сором.

VII

— Ну, — говорит птичка, — теперь у меня душа спокойна, пошли дальше.

Малыш допил своё молоко до последней капли. Кусти берёт пустую бутылку, хочет её в кусты забросить. А птичка учит:

Не бросай бутылку! По ней нас найти могут, на след нападут.

Опять тащат брат с сестрой своего малыша — то на руках, то на закорках. Иногда и на землю спускают, но хитрец тут же начинает жаловаться на «занозу», и они едва продвигаются.

Вдруг птичка встревожилась. Прислушивается, головкой вертит, ерошит пёрышки.

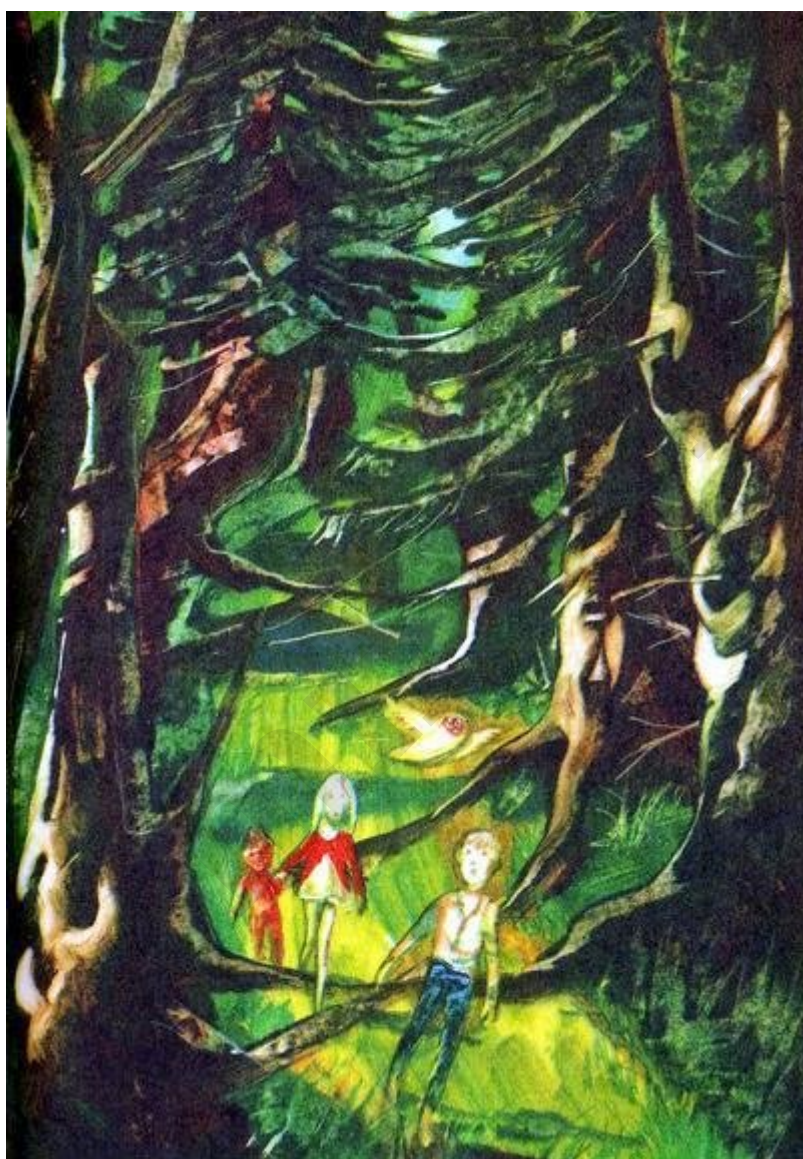
— Что случилось? — спрашивает Кусти.

— Плохи дела, — отвечает проводница. — Страшили нас догоняют. Идите скорей за мной, тут недалеко лощинка, там спрячемся. И тихо чтобы, а то поймают! И мальчику скажи, чтоб не хныкал, ням-ням теперь неоткуда взять.

Едва они спрятались, послышался топот, треск. Впереди Обжора бежит, пасть раскрыл, волосы всклокочены, кусты топчет, маленькие ёлочки в землю вминает. За ним Балбес со старухой, позади всех старик ковыляет, торопится. От беглецов в двух шагах зацепился вдруг костылём за ореховый куст, выпустил костыль из рук. Шарит, чертыхается, нашёл наконец и бросился дальше.

Когда топот погони утих вдали, птичка говорит:

— Ну, ребятки, скорей вылезайте — и за ними следом. Тогда уж точно им нас не поймать. Назад они не повернут, дадут теперь большой круг по лесу.

Вот такая хитрая птичка! И снова летит она впереди, с ветки на ветку, время от времени чутко прислушиваясь. Погоня пропала где-то впереди. А лес уж реже пошёл, светлее. На одном месте трава и кустарник начисто выщипаны, будто тут стадо лосей побывало.

— Они тут останавливались, держали совет, — говорит пернатая проводница. — А отсюда свернули назад к дому. Вон их след — ёлочки примяты. Теперь мы спасены! А им быть с

пустыми руками, как и с тем кладом.

— Спасибо тебе, птичка! — говорит Кусти, утирая пот со лба. — Без тебя поймали бы они нас. Теперь они не успокоятся, пока весь лес не обшарят. А ты, дорогая проводница, лети теперь назад, привет передай своему сыночку. Отсюда мы и сами к дому выйдем — бывали тут с Ити не раз, ходили сюда по ягоды. А когда сынок твой подрастёт и летать научится — пожалуйста в гости! Я вам столько зёрнышек дам, сколько душа пожелает... Да, что я ещё хотел сказать... Если случится тебе побывать в той избушке, посмотри, как они там, лесовики-то эти. Ведь когда мальчик подрастёт, мы должны будем, наверно, его обратно вернуть.

Поблагодарив птичку ещё раз за помощь, пускаются они дальше. Торопятся, насколько позволяют уже порядком уставшие ножки маленького жителя лесной глуши. И вот уж показывается за деревьями родная деревня. Путешественники торопятся из последних сил, вбегают на двор — и оказываются в объятиях оторопевшего дедушки. Папа с мамой обнимают своих дорогих, так долго пропадавших и наконец нашедшихся детей. Потом их взгляд падает на смуглого мальчугана, который, как всегда, вцепился Ити в подол и, конечно же, ням-ням требует.

— А это ещё кто такой? — в голос спрашивают родители.

— Это лесной старухи младший сынок, — отвечает Кусти. — Ити его с собой взяла. Только вот что она делать с ним будет?

Ити гладит маленького и долго-долго объясняет, почему она чужого мальчика с собой привела.

— Ребёнок — он ребёнок и есть, — заканчивает Ити свой рассказ. — Не могла же я его одного бросить.

— Ребёнок-то — он, конечно, ребёнок и есть, — соглашается мама. — Да что-то он... странный какой-то... Смуглый больно... И эти... рожки вроде на голове. Нет, знаете, это уж слишком! Таких детей я отроду не видывала. Я и не дотронусь до него! Боюсь, не простой это ребёнок.

— Да он самый обыкновенный! — горячо заступает за своего любимца Ити. — Я тоже его сначала боялась. Да ничего, он славный, хороший мальчик! И слушается уже... Вот увидишь, мама!

— Это конечно, — рассуждает папа. — Раз он тут, не отсылать же его обратно в лес. По крайней мере сегодня, ведь радость-то у нас какая! А коли ты, мать, вовсе не хочешь с ним дела иметь — пускай Ити сама с ним водится.

— Что ж, пускай... — пожимает плечами мама. — Странно, конечно, такого ребёнка в дом брать, ну да ладно... Ити, первым делом накорми его, а то вон как за тебя уцепился. Я в толк не возьму, как с такими обращаются, что ему давать. И вы, дети, скорей за стол! Там и расскажете всё по порядку, что вы так долго в лесу делали.

Этого детям повторять не понадобилось. Ити берёт своего голодного воспитанника за руку и уводит в дом. А дедушка набивает табаком свою большую трубку, раскуривает и говорит себе в бороду:

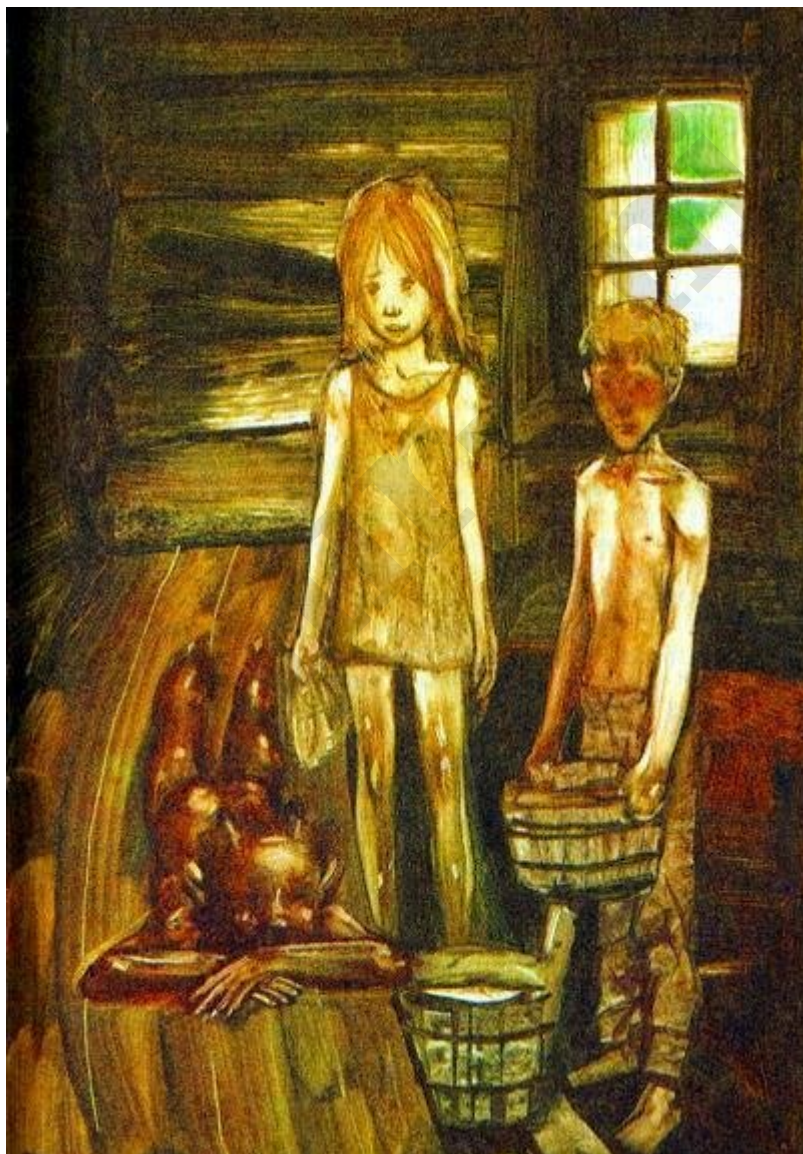
— Ну, теперь душа моя спокойна, можно и пчёлами опять заняться.

VIII

Снова Кусти бегают на дворе и повсюду, порой уходит на выгон с пастухом, только по ягоды его пока что не тянет. О том, что его так долго не было дома, Кусти как-то и не задумывается; мальчику кажется, будто он пошёл однажды утром по ягоды, а к вечеру в тот же день вернулся. Прошлые злключения забыты, снова он сам себе хозяин. А вот Ити опять должна дома сидеть, за мальчишкой доглядывать.

А тот растёт на новых харчах не по дням, а по часам. Он выучил уже несколько новых слов, но особенно часто употребляет услышанное неизвестно где слово «чёрт». За это и за кое-какие другие привычки ему время от времени перепадает по мягкому месту, если не помогают Итины увещеванья и ласка. Ити, конечно, где только возможно защищает своего малыша и пытается предотвратить наказание. Между прочим она заметила, что у этого дикого человечка, даже если он плачет вовсю, никогда не текут слёзы — странный мальчишка плачет без слёз.

Кусти этот вопрос мало интересует, он занят другим: нельзя ли мальчишку как-нибудь отмыть, побелей сделать? И однажды в субботу они ведут смуглого малыша в баню, парят его веником и так трут мочалкой, аж кожа скрипит. Но всё напрасно: кожа-то скрипит, но белей от этого не становится, отмыли мальчика дочиста — а он всё такой же.

В другой раз, когда Ити куда-то отлучилась, Кусти решил в другом счастья попытать —

отпилил у мальчика рожки. Тот несколько дней походил с гладкой головёнкой, а потом они опять отросли. И ногти сколько у него ни стригут — те снова быстро отрастают, длинные и острые, точно шилья.

Тогда Кусты, несмотря на сопротивление сестры, делает новую попытку. Он спиливает рожки снова, а свежие срезы присыпает солью. Но скоро убеждается, что и это средство не помогает.

Так проходит день за днём. Из дней складываются недели и месяцы — уж близится осень. Итин подопечный растёт, как молодая ёлочка в бору, а вместе с ним растут и рожки, и его аппетит. И всё бы хорошо, только не слушается, совсем от рук отбился, ругается нехорошими словами и дёргает Ити за волосы на каждом шагу.

— Не знаю, что и делать с ним, — жалуется она брату со слезами на глазах. — Ведь был одно время послушный мальчик, а теперь совсем от рук отбился. Чем больше растёт, тем озорней становится. Мы с мамой ему штанишки сшили, думали, меньше будет шалить — куда там, ничего не помогает. Штанишки вечно мокрые, и меня бьёт, за волосы таскает ещё больше, чем раньше. Надо бы папе или дедушке пожаловаться, да они накажут его больно, а я этого не хочу.

— Вот-вот, — сердито поглядывает Кусты на приёмыша. — А я что тебе говорил? Не бери с собой! Теперь другого выхода нет, как отослать его обратно в лес.

Тут послышалось за окном птичье щебетанье. Кусты прислушался и быстро выбежал из комнаты.

— Да это же наша проводница! — кричит он с порога.

Под окном сидят на берёзе две птички.

— Кусты, здравствуй! — щебечет одна. — Как жизнь? Что Ити поделявает, как малыш, старухин сынок?

— Ох, птичка, — отвечает Кусты, — спасибо на добром слове! Мы-то с Ити хорошо живём, только сынок старухин очень огорчает нас своими проказами. А скажи-ка, кто это с тобой, не сынок ли твой? Вон как вырос!

— Ну конечно! — отвечает птичка. — Он это! И летает уже не хуже меня. Вот летим в тёплые страны, ваша зима не по нам, слишком холодна. Вот залетели попрощаться с тобой и с сестрой твоей, пожелать вам всего хорошего.

— Вот как? — ахает Кусты. — На зиму, значит, улетаете. Что ж, ничего не поделаешь. Погодите-ка чуток, я вам принесу подкрепиться на дорогу.

Тут и Ити выходит на крыльцо и изумлённо глядит, как брат с птицами разговаривает, как кормит их. Птички слетели на нижнюю ветку и клюют зёрнышки у Кусты с ладони.

Когда птички подкрепились, Кусты спрашивает:

— А скажи, птичка, не случилось ли тебе после нашего возвращения в той избушке бывать? Очень бы хотелось узнать, как там старуха живёт со своими страшилами?

— Там прямо чудеса, — отвечает птичка. — Из избушки все давно пропали, пустая стоит.

— Пустая стоит? — вроде бы даже пугается Кусти.

— Опустела давно, — говорит птичка. — А куда они все пропали, не знаю. Думаю, убежали, побоялись, что вы про них расскажете и их там отыщет кто.

— Хм... — Кусти многозначительно смотрит на сестру. — Слыхала? Значит, некуда нам теперь малыша отсылать.

— Не беда, — рассуждает та. — Как-нибудь и сами управимся.

Скоро птички взлетают ввысь, чтоб лететь в тёплые страны.

— Счастливого пути! — кричит Кусти им вслед. — Счастливо добраться! А вернётесь будущей весной — нас не забывайте!

IX

— Ну, Ити, — говорит Кусти, возвращаясь в дом, — теперь у нас и надежды нет от него избавиться — поди знай, куда старуха сбежала со страху. Ну да ладно! Осенью и зимой у меня больше времени будет, возьмусь тогда за нашего рогатенького. Посмотрим, может и из него толк выйдет. Ты своими нежностями разбаловала его вконец. Неужели забыла, как нас-то самих папа с мамой воспитывали?

— Только не бей его, пожалуйста, — наперёд защищает Ити своего подопечного.

— Первым делом ты не вмешивайся, если я за него возьмусь. Должен же он кого-то бояться, не тебя, так хоть меня. Мама и притронуться к нему не может, у папы никогда времени нет, дедушка старый, да и не найдёшь его в нужный момент. Значит, мне надо учить мальчишку уму-разуму.

И с этого дня Кусти приступает к воспитанию маленького строптивца.

Время бежит, на дворе уж дует холодный ветер, скоро снег выпадет.

Вот Итин воспитанник сидит у окна, царапает на стекле ледяные цветы, потом лезет в печь, вытаскивает горящую хворостинку и пытается поджечь хозяйкину пряжу. И так что ни день — то у него новые проказы. Один раз даже костёр из соломы развёл под кроватью и говорит:

— Ну вот, скоро закипит!

И всё же гумаки и шлепки, которые ему — в нужное время и по нужному месту — достаются, приносят свои плоды: мальчик уже не спорит так часто с Ити, больше слушается.

Однажды вечером, только лампу зажгли, приёммыш защемил нечаянно ногу в дверях. Мальчик скорчился от боли и готов уж был по своей привычке вцепиться Ити в волосы, но в последний момент как будто одумался и жалобно заплакал. И что ещё удивительней — на этот раз у него выступили слёзы на глазах.

— Смотрите, смотрите! — зовёт всех Ити. — У него слёзы!

— А малышу: — Не плачь, не плачь, маленький! Дай-ка сюда ножку, подуем, вот так, вот уже и не больно...

С этого времени маленький шалун стал заметно добрей и послушней. И хоть по-прежнему

носится повсюду как егоза, он уже не делает того, что ему однажды запретили. Между прочим, и штанишки ему так часто менять уже не приходится.

Он уже не дичится Кусты, да и других на хуторе. И Кусты больше не воют с ним, реже грозит прутом, старается добром обойтись. Даже дедушка, который на странного мальчишку всегда искоса поглядывал, теперь к нему подобрел. И тот платит тем же: начнёт дедушка трубку набивать, а малыш уж наготове с горячей хворостиной стоит, ждёт, когда можно будет поднести огня.

— Ах, пострел! — смеётся дедушка. — Из тебя толк выйдет, смышлёный парнишка!

Иногда рогатый мальчишка вроде бы как в награду за свои труды у дедушки трубку просит, мол, дай и ему покурить. Дедушка смеётся:

— Ну, это не дело. Трубка — бяка! Иди-ка лучше, я тебя на ноге покачаю.

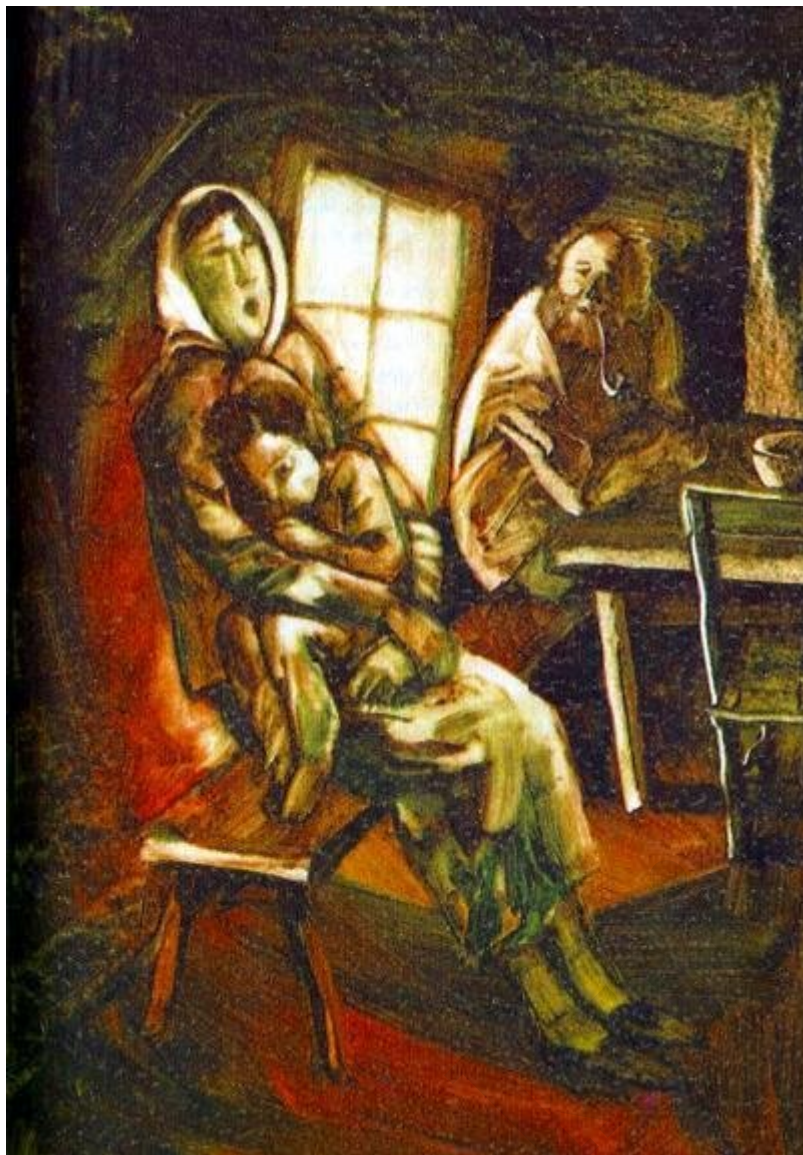
И хозяйка начинает привыкать понемногу к бывшему дикарю, тайный страх перед ним постепенно оставляет её. Как-то раз под вечер, когда дети на дворе с горки катались, а прочие домочадцы сумерничали, взятые предвечерней дремотой, она собралась с духом, взяла мальчика на руки и стала тихо напевать ему какую-то песенку. Мальчишка тихо слушал, склонив головку к груди мачехи, а когда песня кончилась, попросил:

— Ещё! Ещё!

А сам уж и подпевать пробует, болтая своими длинными худыми ножками.

«Ребёнок — он ребёнок и есть, — думает про себя хозяйка. — Кусты с Ити точно так же ножками болтали...»

Заметив, как мачеха к нему подобрела, малыш пытается отплатить ей на свой манер: упадёт ли напёрсток, закатится ли клубок под кровать — мальчишка тут же бросается поднимать. Его непоседливость, приводившая прежде к одним проказам да ссорам, теперь направлена на доброе дело.

Под рождество так далеко дело зашло, что хозяйка собственным детям уж ставит его в пример. Кусти и Ити нашли в сарае старое яблоко и поругались, никто уступить не хотел.

— Неужто не стыдно вам ссориться из-за жухлого яблока? — журит их мама. — Поглядите, Мальчик у печки тихо сидит, на лакомство внимания не обращает. Наверно, ему не меньше вас яблочка хочется, а ведь понимает, не станет браниться, как вы, из-за такого пустяка. Вот он его и получит, потому что хороший мальчик, а вы упрямы! Ну-ка, немедленно ему яблоко отдайте!

Брат с сестрой насупились, да ничего не поделаешь, мать надо слушаться.

— А всё-таки кто его хорошему-то учил, как не я? — пытается возражать Кусти.

— И я! — говорит Ити.

— Вы-то вы, — соглашается мама. — Да только это вам права не даёт опять его плохому учить.

И снова Ити, вставшая однажды утром с постели, была первой, кто заметил в Мальчике новую перемену: смуглый малыш стал за ночь заметно светлее, будто у свежего снега белизны занял. Одновременно и рожки его стали вдруг рых лыми, начали крошиться от каждого прикосновения. А утром он ещё поскользнулся и стукнулся головой о ножку кровати, и от одного рожка отвалился довольно большой кусок. Не только все, кто видел это, но и сам

Мальчик так растерялся, что долго ещё вертел этот кусочек в руках, как бы спрашивая, что с ним делать.

А в рождество Ити обратила внимание ещё на одну странность.

— Знаешь, — говорит она маме по секрету, — Мальчик-то, кажется, заболел. Что-то ест плохо. Раньше то и дело кричал: ням-ням да ням-ням! А теперь не больше нас ест. Но такой же весёлый, как и всегда...

Когда раздавали рождественские подарки, не забыли и Мальчика с рожками. От хозяина он получил сапоги и шапку, от хозяйки — пиджак и брюки. От Кусты — пальтишко и варежки. А как обрадовался этот странный человечек подаркам, как пошёл кувыркаться вокруг ёлки! Того и гляди, остатки рожек потеряет. Потом, приустав от столь бурного изъяснения чувств, сел под ёлку и стал примерять подаренные сапожки.

Все, кто собрался в тот день вокруг ёлки, в один голос утверждают, что без Мальчика не было бы им так весело. И только потом, когда все принялись петь рождественскую песню, вновь охватило хозяйку какое-то странное беспокойство...

Но ничего, глядит — Мальчик поёт вместе со всеми...

Х

А время бежит вперёд. С того дня, когда маленький хозяин леса стал жить вместе с Кусты и Ити, уж несколько раз Дед Мороз и молодая Весна, нежное Лето и серьёзная Осень сменили друг друга в своём хороводе. За это время Мальчик с рожками совсем освободился от дурных привычек, за что заслужил полное доверие и дружбу всех членов семьи. Только два раза, как вспоминает Ити, хотел было сказать нехорошее, но вовремя спохватился, так что получилось одно только «ах, чч...». И телом стал заметно светлей, а бывшие рожки совсем затерялись в густых волосах. Правда, рядом с другими детьми он всё же выглядит довольно смуглым, и нередко ему приходится выслушивать такое:

— Эй, парень, давно не мылся? Попробуй последнее средство — мыло да горячую воду!

Некоторые, самые шалуны, называют его цыганёнком, а кто и Лешим назовёт. Те же, кто знает его ближе, считают его хорошим товарищем.

Кусты с Ити давно ходят в школу и Мальчика с рожками обучили читать и писать. Как-то к осени решили на семейном совете, что пора и его отдавать в школу. Но тут возникло неожиданное препятствие, о котором никто прежде и не задумывался, — у мальчика ведь даже имени нет и тем более никаких бумаг.

Учитель смыслёным мальчиком очень доволен, но всё-таки требует бумагу какую-нибудь или свидетельство, где были бы обозначены место рождения мальчика, кто родители и так далее. По крайней мере хоть фамилия у него должна быть, говорит учитель.

Мальчик с рожками? Ну хорошо, пусть Мальчик с рожками. Но ведь такой фамилии нету вовсе. Это может быть мальчика прозвище, но имя-то у него должно быть помимо этого.

Отцу ничего не остаётся, как пойти за советом к нотариусу. Тот внимательно выслушивает всю историю мальчика, долго размышляет и наконец объявляет, что, мол, как хотите, а *такого* мальчика он в семейный регистр никак занести не может. И всё же он обещает посоветоваться со своими старшими коллегами.

В ожидании и надеждах проходит какое-то время, и наконец нотариус сообщает отцу, что из столицы получено соответствующее разрешение.

Мальчик с рожками получает имя Антс. На следующий день он отправляется в школу. Учится он хорошо, а кожа его становится совсем белой, как и у Кусты, Ити и других школьников. А в один прекрасный день мальчик обнаруживает, что на голове у него уже нет никаких рожек, будто их там никогда и не было.

